

Kazimierz Bajor, Walentina Gawriuszenko

Номинации заключенного в русском и польском жаргонах преступного мира

Acta Polono-Ruthenica 1, 247-252

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Kazimierz Bajor, Walentina Gawriuszenko
Łódź

Номинации заключенного в русском и польском жаргонах преступного мира

Жаргоном называется социолект, в состав которого входят лексические номинации - жаргонизмы (слова, словосочетания и конструкции, формально совпадающие с предложением). Критерием их выделения является несоответствие литературной норме, условное значение, низкая окраска, ограниченная сфера употребления. При использовании жаргонизмов действует фактор сознательного их применения и признания синонимичности с нейтральными номинациями. Это значит, что вуалирует себя жаргон главным образом лексически, а остальные его уровни не отличаются ярко выраженной спецификой.

Сравнительное изучение жаргона преступного мира только начинается, хотя еще 60 лет назад академик Д.С. Лихачев писал: „Слова воровской речи характерны своей необычайной экспансией, способностью распространяться далеко за пределами воровской среды. С этими воровскими словечками и словцами распространяется яд воровской идеологии, воровского мировосприятия. Для борьбы с этим необходимо знать и социальный, и лингвистический смысл происходящего явления, необходимо уметь его правильно оценить”.¹

Высказанная мысль справедлива и по отношению к жаргону криминальной среды в целом (с ее всякого рода рецидивистами, уголовниками, бандитами и т.д.). Однако вплоть до последнего времени лингвисты ограничивались лишь оценкой жаргонных фак-

¹ Д.С. Лихачев, *Черты первобытного примитивизма воровской речи*, [в:] Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов, *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы)*, Москва 1992, с. 387.

тов, не всегда проявляя последовательность в их фиксации. Этот пробел в значительной мере восполнили опубликованные недавно лексикографические издания.²

Данная статья посвящена характеристике некоторых структурно-семантических особенностей названий заключенного в указанных жаргонах. По свидетельству словарных материалов, проявление этих особенностей выражается в склонности к определенным явлениям, характерным для литературного языка, с одной стороны, и в отсутствии тех или иных элементов - с другой.

Микропарадигма русских номинаций больше польской и несколько раз: она включает свыше 300 ед. при 80-ти в польской. Подавляющая часть единиц обеих микропарадигм (75% и 78% - соответственно) почерпнута из фонда номинаций общего употребления, ср.: рус. **гегемон** 'добросовестно работающий', **лапоть** 'осужденный из сельской местности' и польск. **ancel** 'пребывающий в одиночной камере', **tyfus** 'осведомитель'. Остальные номинации являются „сугубо” жаргонными, то есть такими, которые созданы на собственном жаргонном материале (рус. **путо** 'забитый, угнетенный зэк', **хэви** 'зэк-иностранец'; польск. **eka** 'осужденные за групповое преступление', **froim** 'осужденный из сельской местности') или с использованием общезыковых элементов и на основе действующих в языке законов продуцирования производных (рус. **поднарник** 'занимающий место под нарами', **промотчик** 'вынужденный продавать свои вещи, пайку, постельные принадлежности'; польск. **dlugolatek** 'имеющий длительный срок заключения', **dęciak** 'заключенный-интеллигент').

В структурном отношении и заимствованные общеупотребительные, и собственно жаргонные номинации подразделяются на непроизводные (рус. **раб**, **баран** / **капо**, **лах**; польск. **kaban**, **gigant** / **eka**, **froim**) и производные (рус. **автоматчик**, **волгарь** / **саморуб**, **лопатник**; польск. **aferyzsta**, **nadajnik** / **aferyant**, **urkarz**).

В русской микропарадигме производные номинации составляют 2/3 всех названий заключенного. В основном это суффик-

² Ж. Россия, *Справочник по ГУЛАГу*, London 1987; Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Иступов, *Словарь...*; К. Stępniaк, Z. Podgórzec, *Słownik tajemnych gwar przestępczych*, Londyn 1993.

сальные образования (мерзавчик, пухнарь), в том числе слова-конденсаты или универбы: биржевик 'осужденный за растрату или хищение' (от биржевой делец), свежак 'впервые осужденный, новичок' (от свежий ветер). Нередко встречаются номинации „сращения”, формально совпадающие со словосочетаниями (масть кумовская, люди беспредельные), которые могут носить полупредикативный характер (взятый на время от сохи). Зафиксированы, кроме того, номинации, образованные префиксально-суффиксальным способом (подберезовик, в пределах); сложно-суффиксальным (терпигорец, красноповязочник), в том числе с Ø морфом (бык-рогомет, крохобор); субстантивацией (совестливый, запряженный); усечением (спец, шпан, полит), в сочетании с суффиксацией (контрик); аббревиацией: слоговой (лагкор); буквенной (зэк), ослуженной суффиксацией (сэвэпэшник).

Производные номинации польской микропарадигмы составляют почти половину всех номинаций заключенного. По сравнению с русскими номинациями они более однородны по своему устройству - способам словопроизводства и типовой принадлежности внутри них. Как правило, это суффиксальные образования (melinowiec, neutrino). Номинации других способов словообразования малорепрезентативны: сложно-суффиксальные (malolatek, dlugolatek), аббревиально-суффиксальные (kaesiak), субстантиваты (przelecianny). Номинации, формально совпадающие со словосочетаниями, не обнаружены.

Характерно, что типы заключенных в русской и польской микропарадигме имеют разные номинации. Совпадений немного. Сюда относится использование одного и того же слова для наименования различных характеристик заключенного. Встречается оно среди номинаций-анимализмов: козел 'добровольно сотрудничающий с тюремной администрацией' - koziol 'жертва преступления'; карась 'добровольно работающий' - karaś 'заключенный из сельской местности'; шакал 'грабящий зэков' - szakal 'осужденный за ограбление захоронений'; номинаций-антропологизмов: хам 'крадущий продукты у своих' - cham 'презираемый заключенный'.

Лишь в одном случае однокоренные слова называют одно и то же явление: малолетка - malolat 'несовершеннолетний заключен-

ный'. В синонимических отношениях находятся номинации **долгосрочник** - **dlugolatek** 'отбывающий длительный (многолетний) срок наказания', включающие общую (первую) образующую основу наречного характера. Совершенно разные типажи заключенных стоят за однокорневыми номинациями **быдло** 'добросовестно работающий заключенный' и **bydlak** 'зэк, сотрудничающий с администрацией'. В ряде случаев отмечены следы русского влияния на образование польских номинаций, ср.: **korydorszczyk** 'уборщик коридоров' и **коридор**; **czajniak** 'поддерживающий других зэков' и **чай**; **ubijec** 'осужденный за убийство' и **убийца**; **rebiata** 'несовершеннолетние заключенные' и **ребята**, при этом польское слово **rebiata** не имеет ничего общего по значению с русской однокорневой номинацией **ребятница** 'осужденная, находящаяся в тюрьме вместе со своим ребенком'.

Соотношение семантически тождественных в литературном языке разнокорневых слов в рассматриваемых микропарадигмах представляет собой исключительное явление. Имеются в виду слова **пахарь** 'добросовестно работающий зэк' и **rataj** 'зэк из сельской местности'. Как и в предыдущих случаях, они используются для отражения разных характеристик заключенного.

В целом жаргонные дериваты не отличаются от литературных какими-либо специфическими чертами, но в то же время они проявляют склонность к суффиксальному словопроизводству.

Обращает внимание также отсутствие абстрактной лексики, если не считать русского существительного *singularia tantum* **пехота**, имеющего смысл 'заключенный(ые), преследуемый(ые) группой воров, придерживающихся воровских традиций и обычаев, не соблюдающих правил внутреннего распорядка и режим содержания'.

В жаргонных номинациях преобладает отрицательная оценка лица в самом широком ее диапазоне - от иронии, насмешки и до открытого пренебрежения и неприязни, см., например, пейоративное употребление русских номинаций **гегемон**, **ишак**, **вол**, **раб**, **козел**, **киркой (ломом) подпоясанный** по отношению к добросовестно работающему зэку. Особенно ярко негативная оценка проявляется в номинациях зэка из сельской местности, ср.: русские - **лапоть**, **суслик**, **глушь**; польские - **debil**, **kmiotek**, **rataj**, **chomał**, **maślak**, **kaban**, **cham**, **karaś**. Лицо, осужденное впервые, у носителей рус-

ского жаргона называется **первопроходец**, у носителей польского жаргона - **rekrut**. Другие примеры: **совестливый** 'осужденный за мелкую кражу', **архитектор** 'работающий каменщиком'. Наблюдаемое ироническое употребление номинаций может опираться на противоположные значения и представлять собой разновидность энантиосемии, см., например, значение польского слова **gigant** 'ничего на значащий, неавторитетный зэк' и русского слова **богомаз** 'зэк, занимающийся оформительскими работами'.

Одной из особенностей жаргонных номинаций является, как известно, идиоматичность их семантики. В равной мере это относится и к наименованиям, которые заимствованы из лексики общего пользования. Трансформация семантической структуры последних может пойти так далеко, что оказывается невозможным синтезировать ее ни по составляющим значимым компонентам номинации (если она носит производный характер), ни по контекстному ее окружению (если она является непродушной).

Трудность прочтения смысла такой номинации усугубляется еще ее переносным употреблением. Именно оно помогает ей замуфлировать релевантные признаки называемого лица или условия, ее породившие. Поэтому чтобы определить содержание такой единицы, надо знать, с чем она соотносится в реальной действительности. Например, чтобы правильно истолковать жаргонную номинацию **два брата**, недостаточно знать, что речь идет о двух побратавшихся зэках, надо еще знать и „технология” самого ритуала братания, следствием которого является неременная татуировка „Бр” и „ат” на кистях рук, свидетельствующая о состоявшемся процессе. И это более или менее простой случай.

Сложнее обстоит дело с толкованием номинации **впределах**. Ясно, что в ее основе лежит геморфная метафора. Но она говорит лишь о том, что называемый предмет находится вне лица. И это все, что можно сказать, исходя из синтеза значений составляющих данную номинацию компонентов. На самом же деле ее семантика индивидуальна и весьма конкретна. Так называется заключенный вор, который пользуется авторитетом только в своей группировке и не далее, то есть имеет ограниченное влияние среди заключенных, иначе говоря, в определенных пределах. Отсюда и название: **впределах**.

В зависимости от источника и направления переноса значения анализируемые номинации входят в различные по объему и важности группы. Всего их 12. Для каждой из них принимается соответствующее условное обозначение: антропоморфная (**максим, poczulski**), зооморфная (**мерин, szakal**), фитоморфная (**тюльпан, grab**). Фронтальная характеристика всех групп представляет предмет отдельной статьи.